

В 2000 году увидела свет книга "Число", написанная известным британским славистом и типологом Г. Корбеттом. Книга предназначена для широкого круга читателей. Заявленная как университетский учебник серии "Cambridge textbooks in linguistics", она в равной мере может быть полезна исследователям конкретных языков и типологам, так как представляет собой исчерпывающий и в высшей степени систематизированный свод современных знаний о грамматической категории (ГК) числа.

Книга состоит из девяти глав. В вводной 1-й главе автор развеивает предрассудки, связанные с представлением о числе: что число - это только противопоставление единственного и множественного; что все релевантные единицы маркируют число; что все слова, маркирующие число, делают это одинаковым образом; что число выражается обязательно; и что это именная категория. Тем не менее, большая часть книги (главы 2-7) посвящена как раз именному числу. Последовательно рассматриваются а) семантические противопоставления по числу; б) единицы, которые могут быть вовлечены в систему числовых противопоставлений; в) типология сочетания этих двух параметров, т.е. для каких именных единиц какие значения числа возможны; г) средства выражения числа; д) синтаксис числа; е) особые виды употреблений числа (множественное вежливости и др.). В главе 8 рассматривается значительно более редкое явление глагольного числа, а в заключительной 9-й главе дается краткий обзор теории развития числовых систем в диахроническом аспекте, взаимодействие числа с другими категориями и излагаются некоторые новые идеи в изучении ГК числа.

Во 2-й и 3-й главах семантическая типология числа рассматривается в двух измерениях: с точки зрения того, какие вообще грамматические числовые значения выражаются в языках, и того, какая часть имен из всей лексической именной системы может маркировать число. В первую очередь, автор фокусирует внимание на противопоставлении

числовых граммем внутри различных типологических схем. Отталкиваясь от известной универсалии Дж. Гринберга "Нет языка, в котором было бы тройственное число, и не было бы двойственного. Нет языка, в котором было бы двойственное число, и не было бы множественного" [Greenberg 1963: универсалия № 34] (singular > plural > dual > trial), Г. Корбетт переходит к деревьям бинарных противопоставлений (см., например, на с. 41 рис. 1):

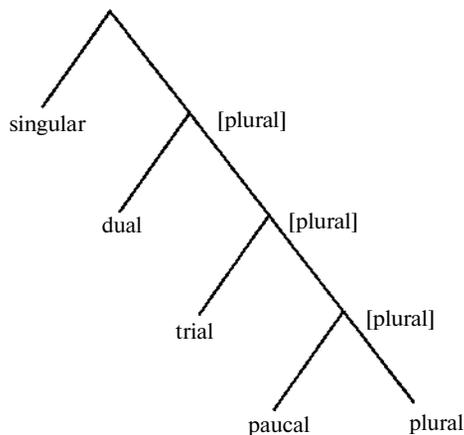

Рис. 1. Система числа в языке лихир (океанич), независимые местоимения

Это позволяет ему расположить в числовой иерархии значения паукального числа, называющего небольшое количество предметов; "большого" паукального числа ('greater paucal'), выделяемого в языках с двумя паукальными формами и называющего количество, большее чем то, которое обозначается обычным паукальным числом, но меньше чем то, которое обозначается множественным числом; "большого" множественного числа ('greater plural', со значением избыточного количества или всеобщности); а также т. наз. значение общего числа ('general number'), подразумевающего, что объект коли-

чественно не охарактеризован [пример из байсо (кушитск.): *Шбан foofe* 'я увидел льва / львов (одного или более одного)', с. 11]. Приводимый материал доказывает, что значение общего числа - достаточно распространенное явление, причем оно может выражаться либо уникальным показателем (например, в кушитском языке байсо), либо так же, как значение ед. числа (например, в японском языке), либо, что гораздо реже, так же, как значение мн. числа (например, у части имен кушитского языка арбор) - в последнем случае форма общего / мн. числа противопоставлена форме ед. числа. Отдельный вопрос - существуют ли в языках мира формы со значением 'четыре'. Исследуя "кандидатов" на эту роль, Г. Корбетт приходит к выводу, что в реальных текстах они все-таки получают значение паукального числа, а значение 'четыре' реконструируется у них только этимологически. Таким образом, показано, что в самых развитых системах существует не более пяти противопоставленных граммем.

Во второй части главы 2 рассматриваются понятие факультативного числа и языки без числа (к таковым относятся язык пираха, на котором говорят в бассейне Амазонки, язык кави (старо-яванский), а также, как принято считать, классический китайский язык).

В основу главы 3, посвященной существительным и местоимениям, у которых допускается выражение категории числа, положена иерархия одушевленности [Smith-Stark 1974]:

1-st person > 2-nd person > 3-rd person >
> kin > human > animate > inanimate.

Утверждается, что если в языке слово, относящееся к некоторому сегменту иерархии, маркирует число, то любое слово, относящееся к сегменту иерархии, расположенному слева от данного, также допускает выражение числа. Например, в австралийском языке маяли существительные, обозначающие людей, различают ед. и мн. число с помощью глагольного согласования, но это неверно для имен, обозначающих животных и неодушевленные объекты. Таким образом, противопоставление числовых форм всегда затрагивает верхнюю часть иерархии одушевленности, и, например, противопоставление пяти граммем числа, как было показано ранее, возможно только в системе местоимений.

В 4-й главе делается попытка распространить правило иерархии одушевленности на системы, насчитывающие три и более числовые граммемы. В соответствии с общими принципами, круг имен, маркирующих двой-

ственное (паукальное) число, не может быть шире, чем круг имен, маркирующих множественное число; аналогично, для языков, в которых противопоставляются двойственное и паукальное число, круг имен, имеющих формы паукального числа, не может быть шире, чем круг имен, имеющих формы двойственного числа. С некоторыми оговорками, это правило можно распространить и на системы с факультативным числом. Однако закон иерархии одушевленности бессилён, если речь идет о "минорных" формах числа, которые выражаются у очень ограниченного числа лексем (разд. 4.2 и 4.5.5). Например, в современном иврите насчитывается порядка десяти слов с формами двойственного числа, называющих некоторые (но не все) отрезки времени и другие неодушевленные сущности, т. е. относящихся к нижней части иерархии одушевленности. Точно таким же исключением становятся и формы экзотического "совокупного" числа ('mass number'), которые зафиксированы в северо-западных диалектах испанского языка, ср. *pilu* [sg] ~ *pêlos* [pi] ~ *pe*lo [mass] 'волос'.

В продолжение темы взаимодействия лексической и грамматической систем языка, в разд. 4.3 и 4.4 рассматриваются нестандартные значения "стандартных" числовых форм, а именно, ассоциативное, дистрибутивное и собирательное. В разд. 4.5 изучается феномен "совмещенных чисел" ('conflated numbers'): так, в отомангском языке паме неодушевленные существительные выражают значение ед. и дв. числа одной формой, в то время как одушевленные имена их противопоставляют. Как видно, полученная картина не укладывается ни в одну из допустимых типологических схем (см. гл. 2). В связи с этим Г. Корбетт выдвигает идею выделять для таких, сложных случаев первичную и вторичную системы числа: одну - для вершины иерархии одушевленности, а другую - для нижних сегментов этой иерархии.

В главе 5 автор переходит от семантики числа к способам его выражения. Наряду с широко распространенными показателями числа, такими как флексия, сдвиг ударения, чередование, внутренняя модификация, редупликация основы, супплетивизм и т.п., рассматриваются и менее обычные средства выражения - аналитические показатели числа ('number words', встречаемые в языке тагалог), инвертированное (полярное) число (например, в языке кива, Ю.-З. Оклахома), составленное число ('constructed number', ср. язык хопи, в котором дв. число выражается комбинацией показателей мн. числа при мес-

тоимении и ед. числа при глаголе), а также явление двойного маркирования.

В 6-й главе, озаглавленной "Синтаксис числа", в качестве ключевых средств описания выступают традиционные понятия "контролера" и "мишени" согласования, а также понятия семантического и синтаксического согласования. По тому, где в предложении выражается именное число, языки делятся на три класса: те, у которых оно маркируется только при именной группе (например, лезгинский язык); те, у которых оно маркируется как при именной группе, так и при глаголе (ср. русский язык); и те, у которых оно маркируется только при глаголе (например, папуасский язык амеле). Если в предыдущей главе о средствах выражения числа автор, скорее, систематизировал хорошо разработанные в типологии понятия, то здесь у него появляется гораздо больше поводов для дискуссии, в частности, при описании колебаний в согласовании по числу глагола с сочиненными и комитативными группами, а также имени с числительным.

В 7-й главе Г. Корбетт возвращается к плану содержания грамматической категории, а именно, рассматривает вторичные функции числовых форм. Многие формы используются для достижения определенных коммуникативных задач. Так, весьма распространено в языках мира употребление местоимений в форме мн. числа для выражения уважения к адресату (в русском языке ту же функцию может выполнять и глагол мн. числа, не согласованный с подлежащим ед. числа, например, *маменька плачут*) или для обозначения личной скромности говорящего (*нетто мы не понимаем?*). Другие любопытные употребления отмечены лишь для отдельных языков, ср. наблюдение за тем, что в русских командах, обращенных к множеству солдат, используется форма ед. числа (ср. *становись! разойдись!*), в языке паама та же форма используется, напротив, для завоевания доверия аудитории. Для того чтобы выразить и свои эмоции и привлечь внимание адресата к сообщаемому, используются разного рода аффективы (эмфатические, гиперболические и т. п. употребления мн. числа существительных).

Иного рода вторичные значения относятся к модальной рамке высказывания. Например, в австралийском языке ндеббана в генерализованных суждениях о нормальном течении событий множество людей может быть обозначено ед. числом (или даже особой "двойственной" формой). В различных языках мира употребление мн. числа вместо "ожидаемого" единственного привносит оттенок аппроксимативности, ср. турецкие формы *burada* *здесь'

(букв. 'в этом месте', ед. ч.) - *bur alar da* 'где-то здесь' (букв, 'в этих местах', мн. ч.); догон. *ibe yaew yo, isu mbe nie mbe bawie* 'если ты пойдешь на рынок, купи рыбу, масло и тому подобное' (букв, 'рыбы-масла'). Эвазивные употребления мн. числа встречаются в языках с категорией рода и служат для того, чтобы избежать обозначения пола человека (например, если речь идет о неродившемся ребенке).

К сожалению, глава о нечислительных употреблениях форм числа не производит того впечатления целостности и структурированности, которое выгодно отличало предыдущее изложение. Здесь, скорее, перечисляются те немногие интересные факты, которые удается почерпнуть из существующих грамматических описаний. Возможно, причиной тому - некоторая "маргинальность" описываемых явлений по отношению к категории в целом. То же самое можно сказать и про следующую, 8-ю главу, которая посвящена глагольному числу. Это гораздо менее исследованная подкатегория ГК числа, принципиально отличная от согласовательной категории глагольного числа. Один тип выражаемых семантической категорией значений во многом можно трактовать как аспектальный, т. к. обозначаются повторяющиеся события; так, пример из хауса *naa a'aikée su* 'Я послал / послал их' можно трактовать как а) 'Я послал их в одно время в разные места', б) 'Я посылал их в разное время в одно место' или с) 'Я посылал их в разное время в разные места'. Другой тип значений передает число вовлеченных в ситуацию участников (в русском языке соответствующие значения выражаются только лексически, ср. *уничтожить* ~ *истребить*, *болезнь* ~ *эпидемия* и др. [Плунгян 2000: 283-284]). Сравнивая глагольное и именное число, Г. Корбетт приходит к выводу, что они во многом различны, как по количеству выражаемых значений и вовлеченных в категорию лексем, так и по месту маркирования числа в предложении, и по богатству морфологических средств.

В последней главе книги, озаглавленной как "Заключение и новые задачи", автор отталкивается на тех моментах, которые оказались вне основной темы исследования, но все же из соображений системности должны быть освещены в описании ГК числа. В разделе 9.1 обобщаются представления о том, как развиваются и разрушаются системы числа. Очевидно, что книга задумана как преимущественно синхронное исследование ГК числа; автор не скрывает, что он обладает недостаточным количеством "диахронических" дан-

ных, а потому в разделе доминируют предположительные интонации. Развитие числа может рассматриваться как пример грамматикализации [Lehmann 1995: 56-59]. Наиболее вероятным источником морфологических показателей числа являются аналитические показатели числа (number words), в свою очередь, восходящие к собирательным именам, местоимениям и указательным словам. Кроме того, в языках с уже устоявшейся системой числовых противопоставлений маркер мн. числа может замещаться маркерами дистрибутивности (например, в языке квилют) и собирательности (ср. славянские основы мн. числа, восходящие к праславянским основам с собирательным суффиксом), а в различных языках Северной Америки показатель мн. числа исходит к показателю неидентифицированных участников. Что касается показателей двойственного, тройственного и паукального числа, то они, как правило, происходят от числительных "два", "три" и "четыре". Если в языке развиваются несколько показателей некоторого числа, то они, скорее всего, будут противопоставлены в соответствии с иерархией одушевленности (т.е. будут различаться, к примеру, 'некоторое количество людей' и 'некоторое количество животных').

Семантическая система числа эволюционирует от противопоставления типа "общее/ед. число vs. мн. число" к обязательному противопоставлению типа "ед. число vs. мн. число". Дальнейшие изменения и распад системы числа связаны не только с потерей числовых показателей, но и с их семантической реинтерпретацией. В качестве наиболее интересных отметим случаи замещения показателей мн. числа показателями двойственного, тройственного и т.п. числа. Так, в микронезийском языке мокил формы со значением 'три' и 'четыре' получили значение обычно множественного числа - на фоне того, что формы мн. числа стали обозначать еще большее количество (т. наз. 'remote plural'). В исландском языке местоимения мн. числа взяли на себя функцию форм вежливости, в то время как в качестве показателей мн. числа стали выступать старые местоимения дв. числа. Падение числовых значений может оставлять любопытные следы в морфологии и синтаксисе, ср., например, русские счетные формы типа (два) *чаcá* и особые правила согласования с числительными "два", "три", "четыре".

В разделе 9.2 автор освещает (к сожалению, весьма кратко) вопросы взаимодействия категории числа с категориями рода, падежа, лица и определенности. Категория рода зависит от числа, в том смысле, что "в

языке не может быть больше противопоставлений по роду в не-единственных числах, чем в единственном" (универсалия № 37 Дж. Гринберга [Greenberg 1963]). Г. Корбетт развивает идею Гринберга, утверждая, что "если различаются значения множественного и других не-единственных чисел, то в этих других значениях мы не можем ожидать больше противопоставлений по роду, чем во множественном числе" (с. 272); так, словенский глагол прошедшего времени различает три родовые формы в ед. и мн. числе, но не различает формы женского и среднего рода в дв. числе. Категория падежа сама может влиять на числовую дифференциацию (например, факультативное множественное (в нивском и корякском языках) или факультативное двойственное (в др.-греческом) чаще опускается в косвенных падежах, чем в номинативе), хотя возможна и обратная зависимость - падежа от числа (например, в словенском языке, не различающем в дв. числе дательный и творительный падежи существительных). Зависимость категории числа от категории лица подробно обсуждалась в главе 3; в заключительной главе автор приводит редкий пример противоположного влияния: в языке хуа и некоторых других языках Папуа-Новой Гвинеи свободные местоимения 2-го и 3-го лица различаются только в ед. числе. По-видимому, наиболее однозначна зависимость между категорией числа и категорией определенности: в самых разнообразных языках мира различие по числу допускается только в определенных именных группах, а неопределенные именные группы не могут дифференцироваться по числу. В конце раздела упоминаются еще более экзотические случаи взаимодействия числа с другими категориями: логофоричностью, переклужением референции и possessивностью.

В разделе 9.3 речь идет об употреблении форм числа в тексте, главным образом, об их статистическом распределении и нерегулярности. Как правило, в текстах одного языка количество форм ед. числа существенно превышает количество форм мн. числа (автор приводит данные различных и-е. языков). Впрочем, если разобрать статистику более внимательно, выясняется, что глоссы типа "рука" или "зуб" значительно чаще встречаются в форме мн. (или дв.) числа (т. наз. 'plural dominant' или 'dual dominant'). Более того, можно ожидать, что слова с высокой частотностью употребления во мн. числе с большей вероятностью будут иметь нерегулярные формы мн. числа (ср. русскую форму *уши* вместо регулярной формы *уха). Однако нерегулярность - явление относительное, и для

нее Г. Корбетт разрабатывает следующую шкалу (с. 289):

супплетивизм > *pluralia tantum* > приращенная основы > сегментное чередование в основе >

чередование ударений в основе > сегментная нерегулярность во флексии >

перенос ударения (на флексию во ед. или во мн. числе) > полная регулярность.

В ходе весьма любопытного эксперимента, выполненного Surrey Morphology Group (которой Г. Корбетт руководит) на русском материале, выяснилось, что в частном случае нерегулярности, связанном с чередованием в основе или с нестандартным приращением в формах мн. или же ед. числа (ср. *болгар-ин-0 ~ болгар-ы*), формы мн. числа употребляются чаще, чем формы ед. числа той же лексемы (по сравнению с типичным для данного языка статистическим соотношением форм мн. и ед. числа). Если же меняется только тип ударения (на основе vs. на окончании), то, как правило, высокой частотностью отличаются формы как множественного, так и единственного числа рассматриваемой лексики.

В двух скромных, но содержательных разделах 9.4 и 9.5 читатель может получить основные сведения о работах в области усвоения числа (прежде всего, детьми) и психолингвистики этой категории. Как подчеркивает автор, все темы, обсуждаемые в последней главе, обрисованы лишь в общих чертах и нуждаются в более детальном документировании, а главное - в объяснении.

Автор замечает, что получившаяся картина собрана из кусочков. Книга поражает обилием библиографических ссылок, и более того, едва ли не половина примечаний посвящена сведениям, полученным автором от исследователей самых невероятных языков в ходе персональной коммуникации. Работу отличает четкое использование терминологии и высокая теоретическая проработанность вопросов - и в то же время она максимально приближена к конкретному языковому мате-

риалу (исследование выполнено с привлечением более 300 языков). Русскому читателю приятно видеть, что многие положения книги иллюстрируются на примере русского языка (см. разд. 6.7 о согласовании с числительными "два", "три", "четыре"; 7.1 о вежливом вы; 7.2.2 о конструкциях типа *мы с Алейшей*; 13 о гиперболическом мн. числе; 9.3 о нерегулярных формах числа и мн. др.).

Закljučая наш обзор, хотим подчеркнуть, что перед нами фактически первое фундаментальное исследование категории числа, где эта категория рассматривается не только с точки зрения выражаемых значений и возможных средств выражения, но и в третьем измерении - с точки зрения лексических средств, которые затронуты числовым противопоставлением, и где, кроме того, содержится объяснение механизмов взаимодействия разных грамматико-семантических, лексико-семантических, поверхностно-морфологических и т.п. факторов при выборе числовых значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 - В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Greenberg 1963 - / Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements / J.H. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (Mass.), 1963.
- Lehmann 1995 - C. Lehmann. Thoughts on Grammaticalization. Munich, 1995.
- Smith-Stark 1974 - T. C Smith-Stark. The plurality split / M.W. La Galy, R.A. Fox, An.Bruck (eds.). Papers from the tenth regional meeting, Chicago linguistic society, april 19-21, 1974. Chicago, 1974.